

— После Нового года я планирую отправить тебя в школу, — Линь Сань стоял спиной к нему, нарезаая овощи и не умолкая.

— А-У тоже пойдет. Сейчас эра знаний, дети, которые не учатся, в будущем могут стать только мелкими хулиганами.

Сяо Цюлай молча опустил глаза и послушно отозвался. Нарезая огурцы, Линь Сань про себя подумал: «Линь У на сто процентов будет двоечником, нет, даже не двоечником, а просто оболтусом. А вот этот Цюцю, похоже, смысленный малый».

Линь Сань спросил:

— В эти дни в доме много народу, может быть шумновато. Ты, наверное, еще не привык?

— Нет, — мягко ответил Сяо Цюлай.

— В приюте людей было больше и шуму тоже. К тому же... старшие братья и сестры такие дружелюбные, а Цянцян нашел столько родных, я правда за него рад.

— Вот как, — сказал Линь Сань, не поднимая головы.

— А я-то думал, тебе будет одиноко!

Лицо Сяо Цюлая на мгновение застыло.

— Похоже, я перемудрил, — добавил Линь Сань.

— Баклажаны готовы? Я начинаю обжаривать. Кстати, ты что больше любишь: «Дисаньсянь» (картофель с баклажанами и перцем) или жареные фаршированные баклажаны?

Сяо Цюлай:

—...Всё равно.

— О, тогда приготавливаю баклажаны со вкусом рыбы!

«Раз уже сам всё решил, зачем спрашивать меня!» — Сяо Цюлай холодно смотрел в спину мужчины, чувствуя легкое раздражение от того, что им будто играют.

Супруги Чэнь пробыли в Жунчэне неделю и с радостью уехали. Всё-таки Новый год был на носу, и оставаться в чужом доме было не принято. Когда они уезжали, Линь Сань накопил им кучу подарков: алкоголь, чай, сладости, дорогую одежду и разные БАДы. Линь Вэнь очень неохотно расставался со своим братом-близнецом, но тот вел себя вполне спокойно, весело махая рукой и приговаривая «пока-пока».

Спустя несколько дней после отъезда четы Чэнь официально наступил Праздник весны. Рано утром Линь Сань встал, собрал детей и начал расчищать снег, клеить новогодние парные надписи и вешать фонарики. Ах да, еще и вырезки из бумаги на окна. Их вырезала Линь Кэинь — маленькие поросята выглядели как живые, очень красиво получилось.

Го Синчэня дома не было — Линь Сань настоял, чтобы тот вернулся к Го Пинпин. Мальчик не особо хотел, но Линь Сань убедил его не отдаляться от матери, ведь кровь — не водица. Го Синчэнь долго молчал, но в итоге согласился.

Он вышел в десять утра и через час был у Го Пинпин. Его отчим Чжэн Хуа и сестра Чжэн Юэ были очень рады его видеть, и только Го Пинпин сидела с каменным лицом, будто не особо приветствуя его приход.

Го Синчэнь не стал ничего говорить, поставил подарочную коробку и хотел зайти в свою комнату, чтобы забрать кое-какие вещи, но обнаружил, что там всё изменилось. Отчим с некоторым смущением сказал: «Ты почти не бываешь дома, комната пустовала, вот я и прибрал её для Юэ-юэ». Го Синчэнь опустил глаза и тихо сказал: «Ничего страшного».

Он сидел на диване в гостиной, скучающе смотря телевизор, пока в три часа дня не сели обедать. Шесть блюд и суп — выглядело вполне прилично. В этом плане Линь Сань сильно отличался: на Новый год он жарил, парил, тушил и варил, используя все свои кулинарные таланты, чтобы устроить настоящий пир.

За столом атмосфера была натянутой. Чжэн Хуа, пытаясь разрядить обстановку, завел разговор о делах Го Синчэня, и тот терпеливо и вежливо отвечал. Всё шло неплохо, пока Го Пинпин вдруг холодно не бросила: «Вместо того чтобы нормально учиться, занялся каким-то спортом. Ума не приложу, о чем люди думают».

Го Синчэнь попытался объяснить: он не бросал учебу, оценки у него хорошие. А бег на длинные дистанции — это его личный интерес, и он не хочет его бросать. Если бы Го Пинпин набралась терпения и выслушала ребенка до конца, возможно, отношения между матерью и сыном начали бы теплеть. Но, к сожалению, её язык был как нож — она даже не слушала, что он говорит, и сразу начала осыпать его обвинениями: мол, он занимается ерундой, намеренно избегает учебы, а спорт — это путь для тупиц, у которых не варит котелок.

Сначала Го Синчэнь слушал спокойно, но постепенно в душе нарастало раздражение.

— Я не знаю, за какие грехи в прошлой жизни мне достался такой ребенок. Знала бы я, что ты вырастешь такой неблагодарной и хладнокровной скотиной, я бы тебя в младенчестве в уборной утопила!

— Пинпин! — вскинулся Чжэн Хуа.

— Зачем ты такое говоришь в Новый год!

Го Синчэнь почувствовал, что оставаться здесь больше нет смысла. Он спокойно положил палочки, спокойно встал и так же спокойно сказал:

— Я наелся, так что пойду. Дядя, сестренка, с Новым годом, желаю большой удачи!

Сказав это, он отодвинул стул и без малейших колебаний направился к двери. Чжэн Хуа вскочил, желая его остановить, но жена тут же схватила его за руку. Она с ненавистью бросила:

— Пусть катится.

Го Синчэнь пропустил это мимо ушей и действительно очень спокойно «укатился». Выйдя за дверь, он поймал такси. Из-за праздника стартовый тариф был на пятьдесят мао дороже обычного — стало немного жалко денег.

Когда Го Синчэнь вернулся, в доме было шумно и весело, почти как на базаре. Линь Сань, Ван Яо, Цинь Чжи и новичок Цюцю резались в маджонг. Глядя на то, как отец чешет в затылке с

кислым лицом, сразу стало ясно: трое в плюсе, один в глубоком проигрыше. На диване в гостиной Линь Кэинь и бабушка Цинь Чжи перебирали ростки сои, а самый младший, Линь У, не мигая пялился в телевизор, где на VCD-плеере крутился его любимый Ультрамен.

— Вернулся! — Линь Сань поднял голову, и при виде второго сына на его красивом лице тут же расплылась радостная улыбка. Он поспешно призвал его сесть за стол вместо себя. Черт возьми, сегодня фатально не везло — если проигрывать и дальше, все заначки под чистую уйдут. Подумав об этом, Линь Сань с «негодованием» покосился на сидящего напротив Цюцю, проклиная про себя этого мелкого: тот выигрывал азартнее всех.

Новогодний ужин у семьи Линь начался поздно, но, как и ожидалось, стол ломился от яств: от крабов размером с ладонь и свежайших креветок до нежнейших утиных шеек и лапок в маринаде, а также целой серии мясных деликатесов. Всё было настолько аппетитным, что слюнки текли сами собой.

И вот, когда все весело пировали, Цинь Чжи — старший зять — со смущенным видом встал и при всех достал кольцо. Малышка Линь Кэинь тут же закрыла лицо руками и взвизгнула так, будто предложение делали ей самой.

Что касается того, кому предложение предназначалось на самом деле, тот уже начал шмыгать носом, готовый вот-вот разрыдаться. Стоящий в стороне Го Синчэнь украдкой глянул на отца.

Как и следовало ожидать, мужчина скривил губы, изображая классическую мину «жалко отдавать свою капустку какому-то козлу». Но загвоздка была в том, что «капустка» была только за!

В итоге, без сюрпризов, под искреннее признание Цинь Чжи, стоящего на одном колене, кольцо оказалось на пальце Ван Яо. Хотя всё вышло несколько поспешно и без особых изысков, дети официально «легализовали» свои отношения перед родителями. Особенно радовалась бабушка Цинь: она и так обожала Ван Яо, считая его вторым внуком, а теперь внук официально стал невесткой. Пусть и неожиданно, но «мясо всё равно осталось в своем котле», так чего старушке не радоваться!

Шумно закончив праздничный ужин, все пошли смотреть новогодний гала-концерт. Разумеется, перед этим Линь Сань раздал детям красные конверты (хунбао), потребовав взамен добрые пожелания. Это было проще простого: Ван Яо с покрасневшимся лицом: — Папа, с Новым годом.

Цинь Чжи: — Дядя... папа, счастья и исполнения желаний.

Го Синчэнь: — Большой удачи во всех делах.

Линь Кэинь: — Становись еще красивее.

Сяо Цюлай: — Мира и безопасности в любое время года.

Линь У с сияющей улыбкой:

— Ты вечно будешь жить в наших сердцах!

Линь Сань: «.....».

Видимо, младший сын окончательно «пробил» его защиту, так что Линь Сань даже не стал

досматривать концерт и сразу забился в свою комнату.

Го Синчэнь знал: он наверняка пошел жаловаться дяде Сяо. Так оно и было.

Едва Линь Сань набрал номер, Сяо Тинлань тут же ответил, будто только и ждал звонка.

— В преддверии Нового года знаменитый отставной певец города Жунчэнь, Линь Цзяньхай, хочет спеть для тебя песню, — раздался в трубке напыщенный голос мужчины. Сяо Тинлань невольно улыбнулся. И в следующую секунду полилась песня...

«Я слышу твой голос, это особенное чувство, заставляет меня постоянно думать, я не смею забыть тебя... Я тихо прошепчу тебе на ушко: я люблю тебя, люблю тебя, как мышка любит рис!»

Сяо Тинлань: «...» Почему у других любовь — это принцы и розы, птицы и рыбы? Почему в его случае это превратилось в мышь и рис! Определенно, всё дело в человеке!

Вспомнив это наглое, но чертовски привлекательное лицо Линь Саня, Сяо Тинлань со скрытым удовольствием немного поворчал про себя.

Они проболтали целых два часа — сентиментально, вязко, ни о чем и обо всем сразу. Лишь нажав кнопку отбоя, Сяо Тинлань осознал, что потратил столько времени на этого идиота. Щеки слегка обдало жаром, но на душе почему-то стало очень светло.

— Брат! — в этот момент в комнату без стука вошел человек. Сяо Тинлань обернулся. Вошедший выглядел искренне обрадованным и с выражением глубокой привязанности и восхищения произнес:

— Давно не виделись. Ты наконец-то согласился вернуться в старый особняк.

Это был Сяо Тинсюэ, его единокровный брат.

Сяо Тинлань посмотрел на него спокойно, его взгляд был подобен неподвижной глади древнего колодца.

Столица. Саймон Адамс.

Черт, дело так и не сдвинулось с мертвой точки! Молодой экс-агент ФБР задрал голову к звездному небу, и его глаза наполнились слезами. Он обнаружил, что страна под названием «Поднебесная» невероятно коварна. Утка по-пекински, мясо в медном котелке, свинина в кисло-сладком соусе, тушеные потроха, хого, сахарные пирожки, розовое печенье, танхулу — всё это было пропитано магическим ароматом, крадущим душу. Наверняка именно из-за них он никак не может продвинуться вперед.

Не зря это государство породило того демона. Оно поистине слишком коварно!

<http://bllate.org/book/16514/1504155>